

АРКАДИЙ ЛЕМОВ

ОБ ОДНОМ ПРОТИВОРЕЧИИ В ПОСТРОЕНИИ ТЕРМИНА

Закономерности построения и функционирования как отдельных терминов, так и целых терминологических систем разных наук служат уже на протяжении большого количества времени объектом пристального внимания ученых. Специфика изучения термина привела к появлению новой, междисциплинарной отрасли науки, которая получила название терминоведения.¹ Как и всякая наука в период становления, терминоведение переживает болезни роста. Трудно идет выработка собственной методики, отличной от методик частных наук и от методик лингвистики как базы терминоведения. В последнее время выяснилось, что необходима дифференциация, казалось бы, единого объекта данной науки — термина — на аспекты: фиксация термина в словарях и справочниках, с одной стороны, и его функционирование в текстах и в устном научном общении — с другой. Часто жестки и безапелляционны требования, предъявляемые терминологами, к специальной лексике, (моносемичность; отсутствие синонимии; системность; принадлежность иностранному или, наоборот, родному языку; ориентированность — неориентированность; экспрессивная нейтральность; краткость; дериватоспособность и др.)

Условия формирования и функционирования терминов вступают в противоречия с этой категоричностью, постоянно создавая конфликты между идеальным представлением о термине и его реальным существованием. Безусловно, следует согласиться с мнением о том, что в науках с давней терминологической традицией (к числу их относится и языковедение) историчность формирования терминологии противодействует процессам унификации и оптимизации её. Зачастую одно, вполне разумное, требование к термину противоречит другому, вполне разумному, требованию, и, вместо искомым взаимодополняемых свойств, мы получаем их оппозицию. Такую

¹ В СССР большую популярность терминоведение получило благодаря школе проф. Б. Н. Головина (Горьковский университет), в рамках которой вышло 12 специальных научных сборников.

опозицию составляют, например, среди других и следующие атрибуты „идеального“ термина: необходимость ориентации и норма краткости.

Ориентированность терминов воспринимается, с одной стороны, как имманентная тенденция. Они, по словам Г. О. Винокура, стремятся обладать осмысленной формой (1, стр. 8). В других случаях эта тенденция — производное от сознательного отношения к свойствам терминов: „... симпатии должны все-таки находиться на стороне мотивированных при всем „критическом“ отношении к ним“ (2, стр. 64). Наконец, можно привести и категорично сформулированные требования, согласно которым термин должен обязательно включать классификационные признаки, чуть ли не полную дефиницию (3, стр. 67—71), а мотивированность термина — его идеал (4, стр. 32).

Что касается длины обозначения специального понятия, то в этом вопросе также наблюдается стремление указать на внутренне присущее термину свойство сокращать свой план выражения. Составные термины „... противоречат духу науки, стремящейся к материальной и семантической компрессии своего языка“ (5, стр. 101). Другие авторы однословный термин считают лишь предпочтительным (6, стр. 318). Третья краткость термина объявляют нормой. „Соблюдение этой нормы предохраняет от избыточности в точных лексических обозначениях“ (7, стр. 75).

Признав указанные два свойства оптимальными и даже идеальными, многие исследователи хотели бы их видеть реализованными в термине одновременно. Так, в одной из работ предлагается вести борьбу „на два фронта — не только с нестрогостью, немотивированностью и неупорядоченностью терминов и терминосистем, но и с их неблагозвучностью, сухостью, многословностью“ (8, стр. 341. Разрядка наша — А. Л.). В другой работе отмечается, что к „первостепенным требованиям к термину нужно отнести соответствие внутренней формы актуальному значению понятия и краткость термина (9, стр. 22).

Д. С. Лотте также видел в числе недостатков, традиционно определяемых у термина, кроме прочих, „длинноту“ и „излишнюю загруженность иноязычными компонентами“ (10, стр. 12), т. е. отсутствие мотивировки.

Рассмотрим с этой точки зрения некоторые лингвистические термины: *неопределенная форма глагола, повелительное наклонение, родительный падеж, дрожащий согласный, имя существительное, имя прилагательное, сложносочиненное слово, смычно-щелевой согласный, изменение порядка слов, областное слово*. Все они лишены одного из отмеченных недостатков: в них отсутствуют иноязычные слова, и они все в той или иной мере ориентируют на обозначаемое ими понятие. Однако в них в полной мере проявляется другой недостаток — „длиннота“. Сопоставим им соответствующие и широко распространенные синонимы: *инфинитив, императив, генетив, вибрант, субстантив, адъектив, аббревиатура, аффриката, инверсия, диалектизм*. Здесь же, избежав первого недостатка, мы жертвуем мотивировкой и национальными по происхождению лексемами.

Таким образом, как совершенно справедливо пишет Э. М. Бурт, в языке науки идет борьба двух противоположностей. „С одной стороны, тенденция к наиболее наглядному, эксплицитному отображению действительности. Результатом этой тенденции являются термины с прозрачной мотивированностью, иногда довольно многословные. С другой стороны, тенденция

к краткости, результатом которой являются ... „конденсированные“ термины“ (11, стр. 39).

По поводу вопроса о степени эксплуатируемых качеств термина в высказываниях ученых наблюдаются расхождения: от требования заложить в термин полную дефиницию до необходимости его абсолютной непрозрачности. Если развести эти требования по крайним позициям, то между ними, но ближе к „дефинитивной“ точке зрения, окажется стремление к созданию термина с элементами мотивации. Однако известно, что никакой термин, даже в форме полной дефиниции, не способен отразить всех существенных черт обозначаемого им понятия. „... значение термина в форме его определения никогда не передает всех признаков того или иного научного понятия и потому никогда с ним не совпадает“ (12, стр. 7). Следовательно, благородная цель сделать термин единицей самоопределяемой и тем самым значительно облегчить возможность научной коммуникации едва ли может быть достигнута.

Не видя выхода из создавшейся ситуации (противоречие между дефиницией, заложенной в термин, и реальным объемом понятия, обозначенного этим термином), некоторые ученые считают, что следует вообще отказаться от формирования системы терминов до тех пор, пока не будет смоделирована структура конкретного знания. „В идеале сначала на логико-понятийной основе должна быть построена полная система знания для данной науки, и лишь впоследствии целесообразно ставить вопрос о том, какие единицы в плане выражения соответствуют единицам этой системы в плане содержания“ (12, стр. 9). Несмотря на всю привлекательность такого подхода, думается, что он вряд ли может быть осуществлен. И не по причине методического характера, а по причине методологической. Ни одна „система знаний“ ни для какой науки не может быть построена без участия в процессе строительства терминов, которые необходимы для обозначения единиц именно „логико-понятийной основы“. Видимо, и не может такая основа возникнуть вне вербального обозначения единиц, которыми она оперирует, точно так же, как логически завершенная мысль не может обойтись без языка для её выражения.

Возвращаясь к проблеме сосуществования в одном специальном знаке двух рассматриваемых свойств, отметим общеизвестный факт, что, не заключающая в себе полной дефиниции ни при каких условиях, термин в то же время может довольно четко ориентировать ученого на вполне определенный класс научных понятий. Это делается с помощью стандартных, унифицированных терминоэлементов, как правило, суффиксов, которые указывают на место, занимаемое термилируемым понятием в системе понятий данной научной дисциплины. Назовем такие термины системно-ориентирующими. Например, терминоряд: *суффикс, префикс, аффикс, интерфикс* и под.; или: *фонема, морфема, лексема, семема* и под. По всей вероятности, именно они в своей основе могут отвечать требованиям эксплицитности и краткости. Однако историчность формирования терминологии и здесь в некоторых случаях нейтрализует возможность использования такого сегмента в качестве классифицирующей, системно-ориентирующей единицы. Так случилось, например, с лингвистическим терминоэлементом *-флекс-*, который ввел в разные терминологические парадигмы: *циркумфлекс — акут — гравис; флексия — основа; флексия — аг-*

*глютинация — фузия.*² Ср. также: *номинатив — генетив — ... — аблатив и индикатив — императив — конъюнктив*, а также *элатив — суперлатив — компаратив — позитив. Полонизм — германизм — галлицизм и экзотизм — эвфемизм — макаронизм.*

Как бы ни „противоречили духу науки“ составные термины, как бы ни грешили они против нормы, стремление к мотивировке в условиях явно выраженного в последние годы терминологического бума приводит к тому, что появляется во многих науках, в том числе и в языкознании, большое количество многокомпонентных терминов. Так, если в предметном указателе учебника для вузов В. И. Кодухова (14, стр. 330—339) с точки зрения компонентного состава термины характеризуются следующими показателями (в приближении до десятых долей процента): однословные — 52,2 %, двусловные — 44,2 %, трехсловные — 3,4 %, то в учебнике Б. Н. Головина (15, стр. 224—228) — в терминологической школе которого составные единицы активно исследуются — эти показатели составляют соответственно: 29,2 %, 48,4 %, 19,6 %. Кроме того, 2,5 % терминов — четырехсловные и по 0,2 % — пяти- и шестисловные. И это в учебной литературе, где репрезентируется, как правило, устоявшаяся терминология. Думается, что автор в данном случае сознательно идет на нарушение „нормы краткости“ в целях внедрения мотивированных терминов.

Следует отметить, что создание большого количества многокомпонентных единиц связано и с некоторыми прикладными задачами лингвистики, а именно с составлением тезаурусов для различных областей специальной деятельности человека. Здесь прежде всего и намечается конфронтация терминов, создающихся для сферы фиксации и для сферы функционирования. Безусловно, последняя (научные тексты и особенно устное общение) стремится избегать составных терминов, несмотря на „прозрачность“ значения. Но это преимущество, впрочем, как отмечается во многих публикациях, весьма относительное, не искупает их серьезных недостатков. Кроме того, что они недериватоспособны, т. е. не продуктивны в словообразовательном отношении, они громоздки, что затрудняет не только выражение, но и осмысление научного понятия. Думается, что довольно часто появление в той или иной теории составного термина свидетельствует именно о том, что понятие ещё недостаточно осмыслено, дифференцировано отделено четкими границами. Такой уровень терминологического оснащения науки характеризуется также появлением в качестве терминов метафорических сочетаний. Последние „знаменуют начальную ступень знания, когда теоретическая мысль ещё не достигла ясной строгости понятия. К таким метафорам относятся, например, выражения *образное значение, смысловое ядро слова, живая языковая ткань* и т. п.“ (16, стр. 256).³ В этих случаях авторы, увеличивая число компонентов, стремятся все точнее и точнее осмыслить термилируемое понятие, при этом ставя, однако, в оппозицию мотивировку и краткость термина.

² Пример взят из (13, стр. 71—72).

³ См. по этому поводу также (17, стр. 94—95).

Сторонники концепции немотивированного термина (а это, как правило, единица заимствованного характера) оправдывают свою позицию весьма важным обстоятельством: если термин образован „на базе общеизвестного слова, значение этого слова, его корня или основы, будет проступать в значении термина и мешать его профессиональному осмыслению“ (18, стр. 226). В то же время иноязычные, немотивированные термины „сильны своей изолированностью от системы данного языка, своей неконфликтностью, отсутствием возможности вторых и дополнительных осмыслений“ (19, стр. 89). В наличии таких дополнительных и даже ложных осмыслений убеждается на своем опыте каждый учитель и каждый преподаватель высшей школы: не только ученики, но и студенты в своем большинстве уверены, например, в том, что звуки речи действительно могут быть *мягкими* и *твердыми* в физическом, общеупотребительном смысле этих слов. Иноязычные же синонимы указанных терминов таких ассоциаций не возбуждают. Ср: *палатализованный* и *веляризованный*.

Интересно, что стремление к краткому и удобному в деривационном отношении термину среди исследователей так велико, что, по свидетельству В. С. Кулебакина и Я. А. Климовицкого (20, стр. 34), терминологи, вопреки советам виднейших специалистов отдать предпочтение сочетаниям *квантовый генератор* и *квантовый усилитель* вместо аббревиатур-акронимов *лазер* и *мазер* (как не точно ориентирующих), продолжают рекомендовать использование последних. Впрочем, такая рекомендация для русских терминов вполне соотносится с предложением одного из основателей советской терминологической школы Д. С. Лотте в отдельных случаях отдавать предпочтение наиболее кратким и уже устоявшимся терминам, даже в ущерб их точности. Ведь в противном случае, если перейти на почву русской лингвистики, нам пришлось бы отказаться, как от не ориентирующих точно, от уже упоминавшихся терминов *твердый* и *мягкий согласный*, названий всех падежей, терминов *яканье* и *предлог* (в первом случае словом *яканье* определяется не реальное произношение, а буква, которой оно обозначается; а во втором — то, что мы называем *предлогом*, в некоторых языках может находиться не перед, а после слова) и под.

Наблюдения ученых позволили выявить некоторые закономерности относительно длины термина и особенностей текстов, в которых он функционирует, а также степени его общепринятости. Тексты с тщательным, глубоким анализом какого-либо конкретного факта содержат больше многокомпонентных терминов, нежели тексты общетеоретического профиля. Кроме того, прослеживается четкая закономерность количественного соотношения терминов речи и терминов языка: последние гораздо чаще принадлежат к однословным и двусловным, в то время как первые — к многокомпонентным (21, стр. 23—24).

Что касается закономерности употребления ориентированных—неориентированных терминов, то пока можно лишь указать на зависимость их от сферы функционирования. Число неориентированных терминов возрастает по мере изменения жанра публикации: от популярного до жанра школьного учебника, и далее к вузовским пособиям, специальным статьям и монографиям. Интересно, что практически не приводят к желаемому результату попытки официально регламентировать решение этой проблемы. Так, в языкознании, например, терминологическая комиссия, назначенная

ещё 4 съездом славистов, предложила отказаться от исконных терминов в пользу иноязычных. За истекшее с тех пор время не произошли какие-либо изменения в соответствии с данной рекомендацией, несмотря на имеющиеся прецеденты это сделать. Например, при подготовке к изданию „Словаря лингвистических терминов“ О. С. Ахмановой „... этот вопрос был подвергнут специальному изучению. Была сделана попытка заменить все русские термины их иностранными эквивалентами ... но эта попытка привела к результатам настолько искусственными, что от этого принципа пришлось отказаться и при наличии дублетов этого рода отдавать предпочтение наиболее распространенному“ (22, стр. 13).

Терминологи отмечают, что учебно-педагогический процесс в школе и в вузе требует простого и ясного изложения материала. Поэтому здесь необходимо использование специальной лексики, раскрывающей содержание вводимых понятий. Думается, что это требование не повредило бы и функционированию всей научной литературы в целом. Как и краткость терминов. Однако эти качества в полной мере невозможно совместить в одном знаке, и дело терминологов, не абсолютизируя какой-либо один из этих признаков, находить оптимальный вариант в их гармоничном равновесии.

ЛИТЕРАТУРА

- ВИНОКУР, Г. О.: О некоторых явлениях в русской технической терминологии. Труды Московского института истории, философии и литературы, т. 5, Москва 1939.
- ДАНИЛЕНКО, В. П.: Русская терминология. Опыт лингвистического описания. Москва 1977.
- ВЕСЕЛОВ, П. В.: Стандартизация терминов. Русская речь, № 3, Москва 1969.
- ИЦКОВИЧ, В. А.: О словаре новой лингвистической терминологии. В: Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. Москва 1964.
- ГРЕЧКО, В. А.: Каким должен быть термин? Актуальные проблемы лексикологии и словообразования, вып. 5, Новосибирск 1976.
- ДАНИЛЕНКО, В. П.: Лингвистическое изучение терминологии и культура речи. В: Актуальные проблемы культуры речи. Москва 1970.
- КУЗЬМИН, Н. П.: Нормативная и ненормативная специальная лексика. В: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. Москва 1970.
- БУДЬКО, Н. С.: О некоторых недостатках в практике образования терминов. Семантические проблемы языков науки, терминологии и информатики, часть 2, Москва 1971.
- КОЧИНЕВА, О. К.: О терминах: безлично-предикативные слова, предикативные наречия, категория состояния, предикативы. Уч. зап. Ленинградского гос. пед. института им. А. И. Герцена, т. 393, Мурманск 1970.
- Как работать над терминологией. По трудам Д. С. Лотте. Москва 1968.
- БУРТ, Э. М.: Научные понятия как системы и их описание в толковых терминологических словарях. Вопросы языкознания, № I, Москва 1984.
- ГЕРД, А. С.: Ещё раз о значении термина. В: Лингвистические аспекты терминологии. Воронеж 1980.
- ВАСИЛЬЕВА, Н. В.: К семантическому и функциональному описанию греко-латинских терминов в лингвистической терминологии. Вопросы языкознания, № 3, Москва 1983.
- КОДУХОВ, В. И.: Введение в языкознание. Москва 1979.

- ГОЛОВИН, Б. Н.: Введение в языкознание. Москва 1983.
- ЛИТВИНЕНКО, А. С.: Термин и метафора. Уч. зап. I Московского гос. пед. института иностр. языков, т. 8, М. 1954.
- ЛЕЙЧИК, В. М.: О языковом субстрате термина. Вопросы языкознания, № 5, Москва 1986.
- БЕРЕЗИН, Ф. М., ГОЛОВИН, Б. Н.: Общее языкознание. М. 1979.
- КУТИНА, Л. И.: Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем. В: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. Москва 1970.
- КУЛЕБАКИН, В. С., КЛИМОВИЦКИЙ, Я. А.: Работы по построению научно-технической терминологии в СССР и советская терминологическая школа. В: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. Москва 1970.
- ГОРШКОВА, Т. М.: Термины языка и термины речи. В: Термины в языке и речи. Горький 1985.
- АХМАНОВА, О. С.: Словарь лингвистических терминов. Москва 1966.

O JEDNOM ROZPORU VE STAVĚ TERMÍNU

Článek je věnován problematice mladé vědecké disciplíny — terminologie. Konstatuje se v něm, že období formování této disciplíny je doprovázeno řadou nevyřešených otázek a kategoricky formulovaných požadavků na tzv. „ideální“ termín. Takovými požadavky jsou monosémie, absence synonymie, systémovost, původ slova (domácí nebo přejaté) orientovanost nebo neorientovanost, neutrálnost co do expresivity, krátkost, derivační schopnost aj. Avšak podmínky vzniku a fungování termínů se dostávají do rozporu s kategoričnostmi uvedených požadavků, a tak dochází ke konfliktům mezi ideální představou o termínu a jeho reálnou existencí. Nezřídka se pak dostává do rozporu jeden sám o sobě oprávněný požadavek s jiným, taktéž zcela oprávněným požadavkem. Článek zkoumá případy, kdy proti sobě stojí tyto dva znaky ideálního termínu: orientovanost — krátkost.

Na materiálu lingvistické terminologie je dokumentována teze o tom, že v termínu nelze sloučit dva protikladné rysy — krátkost a motivovanost. Např. terminologická spojení *неопределенная форма глагола, повелительное наклонение, дрожащий согласный, сложносокращенное слово, смычно-целевой согласный, изменение порядка слов, областное слово* neobsahují přejatá slova a zároveň jsou orientována na určitý lingvistický pojem. Zároveň se však u nich v plné míře projevuje jeden nedostatek, a to přílišná délka. Odpovídající synonyma *инфинитив, императив, вибрант, аббревиатура, аффриката, инверсия, диалектизм* sice tento nedostatek nemají, na druhé straně však zcela postrádají prvky motivovanosti.

